

КАК РАБОТАТЬ С БАСНЕЙ

*РАССКАЗ ОБ УДИВИТЕЛЬНЫХ ОТКРЫТИЯХ,
СДЕЛАННЫХ УЧЕНИКАМИ И УЧИТЕЛЯМИ,
КОГДА ОНИ ВСЕ ВМЕСТЕ БАСНЮ НА КОНКУРС
ГОТОВИЛИ*

АЛЕКСАНДРА ЕРШОВА,

*кандидат педагогических
наук, специалист
по театральной педагогике*

Мы не любим показушных мероприятий. Но нет худа без добра. И, как показывает опыт, даже из обязаловки может получиться нечто весьма любопытное.

Правда, при условии, что работать мы, учителя, будем на совесть. Что называется, с душой (но только, чур, так, чтобы не задушить детскую инициативу, самостоятельность, творчество). И тогда спущенное сверху мероприятие оказывается чудесным поводом для нормального обучения.

Учителя одной из московских школ пригласили меня, с тем чтобы я рассказала им, как работать над баснями. Дело в том, что перед началом учебного года в школу пришло распоряжение провести конкурс басен и в округ послать победителей. Если бы чиновникам, прежде чем объявлять тот или иной конкурс, пришло в голову сначала посоветоваться со специалистами! Ведь конкурсы и смотры – формы архаичные. Гораздо полезнее фестивали, слёты, «хождения в гости»...

Организаторы детских фестивалей давно уже избегают распределения первых мест. Условия и уровень педагогов у всех настолько разные, что некорректно сравнивать результаты детских усилий. В одной школе – дипломированный театральный педагог, в другой – доброволец-самоучка. Дипломированному проще добиться внешней эффектности. Но работа самоучки может быть ценнее, хотя чисто внешне она, как правило, будет сильно проигрывать.

Фестивали чем хороши? Тем, что и дети, и их педагоги учатся друг у друга на добровольных началах. Поэтому все достойны наград. И дети счастливы, и учителя, и администрация. И все полны решимости продолжить, улучшить, расширить...

Но тут конкурс басен уже объявлен. А раз так, то одни школы собираются завоевывать призовые места, другие – работать так, чтобы самим стыдно не было. Ну а третьи – как всегда, лишь бы отделаться.

Почему популярны инсценировки

Конкурс – это ещё полбеды. Другая половина беды в том, что басни вовсе не являются тем материалом, на котором следует строить начальные этапы развития театрального творчества. Вообще басня – взрослый жанр. Дети ни понять её художественной сути, ни исполнить её как следует не могут.

«В сердце льстец всегда отыщет уголок...» – я не знаю, с какого возраста дети реально поймут эту идею. Для взрослых она совершенно очевидна. А вот детям, по сути дела, она ещё чужда. «Стрекоза и муравей» – то же самое. «Ты всё пела, это дело, так поди же, попляши!» – тут для детских представлений о справедливости просто запутанный лабиринт.

Например, для учеников начальных классов вполне понятно звучит мысль: «У сильного всегда бессильный виноват!» Тогда как: «Ты сеё, а я приятель сед...» – ну как им это понять? Это же совершенно не их детский опыт.

И вот на проблему понимания наслаиваются проблемы учительских инсценировок. С художественной

точки зрения, получается гремучая смесь. Этакое антиэстетическое и антихудожественное явление, которое и смотреть-то неловко.

Почему же тогда инсценировки так популярны и в начальной, и в средней школе? Я думаю, что «ларчик просто открывался». Ведь обычно на уроке монотонная речь. И вдруг говорят: ты читай за слова, а ты читай за моську. И ученик, не вставая из-за парты, не поднимая головы от книжки, какими-то минимальными творческими усилиями начинает читать. И уже возникает некий театральный эффект. И учителям кажется, что если они ученика подымут и выведут к доске, то театральный эффект усилится. Но получается, к сожалению, наоборот...

Опыт театральной работы с детьми показывает, что при исполнении басен дети, более чуткие к театральной эстетике, как правило выбирают кукольный вариант. Когда персонаж обозначается всего лишь карандашом, пеналом или неподвижной куклой, то исполнение не выглядит такими беспомощным и дурным.

УВАЖАЙТЕ ВОЛЮ АВТОРА

И вот прихожу в школу к учителям. Первое, что я им сказала, так это про то, что обычные инсценировки басен очень вредны для театрально-эстетического развития. Большинство закивало головой. Но не все. Особенно литераторы



не понимают, почему это может быть вредно, но помалкивают.

Поэтому, продолжила я, начинать лучше с детского выбора морали. На какую басенную мораль откликнутся дети? По поводу каких моралей они смогут сочинять свои исполнительские версии?

А во-вторых, сказала я, уважайте волю автора. В басне почти всегда есть РАССКАЗЧИК. И это он передаёт, что сказал один персонаж, что ответил другой. Пусть и у ваших детей текст рассказчика будет полным. Если текст большой и детям много учить, поставьте трёх человек, которые по очереди будут играть одного и того же рассказчика. А рядом, параллельно его рассказу, другие ученики пусть показывают видеоряд рассказываемых событий. Показывают как угодно, любые варианты актёрского исполнительства.

Учителя эту идейку усекли. Но тут же прозвучал вопрос: «Неужели дети сами будут придумывать? А нам что же нельзя ничего показывать?» Я не успела рта открыть, как З.Л. ответила: «Да нет, ну конечно же, с нашей подачи». Она совершенно уверена, что, во-первых, ученики сами ничего интересного не выдумают, а во-вторых, стоит только учителю показать, что нужно сыграть, как дети тут же увиденное и сыграют. Вот и всё актёрское обучение. Делай как я – и никакого тебе развития личности. Ну сами понимаете... Она покажет плохо, а когда

они повторять начнут – получится ещё хуже.

Даже если она покажет и неплохо, что они начнут повторять? Внешний рисунок движений, а не *действие!* Такое повторение убийственно. Этот путь ведёт к штампам, от которых театральное искусство на корню чахнет.

А ну-ка давайте припомним: что обычно учителя показывают? Банальные примеры громкого и членораздельного чтения. Вот и вся театральная культура. У нашего учительства она находится на довольно низком уровне. Но тут энтузиазм приходит на выручку. Учителя всегда готовы и любую инсценировку поставить, и все творческие задачи решить. Только вот как же всё-таки быть с театральным искусством и с детским творчеством?

КАК ИЗБЕЖАТЬ БАНАЛЬНОСТЕЙ

Итак, я настойчиво просила учителей не делать из басен пьесу. Басня этого не терпит. Пусть будет настоящий рассказчик. А вот КТО он – пусть дети сочиняют сами.

Например, «Ворона и лисица». Это Ворона рассказывает о том, как её облапошили? Или Лиса рассказывает о том, как она ворону провела?

Или «Волк и ягнёнок». Это мать ягнёнка рассказывает, как подло поступил Волк с её маленьким, любимым сыночком? Или сам Волк похваляется, как он с умником

разделался?.. Текст звучит один и тот же, а рассказы получаются разными!

А что же тогда всем остальным ученикам делать? Если это младшие школьники, то они, например, могут сходить в зоопарк, а потом сыграть всех зверей, которые участвуют в басне. Только не по воображению, а по своим наблюдениям. Не по штампу: прыг-прыг – значит зайчик, тяф-тяф – Жучка. А по реальным наблюдениям за повадками животных: какие они у медведя, у лисы, у зайца. И выносить на суд зрителей эти детские наблюдения нужно не столько для воплощения идеи басни, сколько для развития подлинного детского театрального творчества. Уж раз детям приходится выступать, то их выход на сцену лучше связать с познанием действительности, а не с натакиванием, да ещё в банальнейших театральных шаблонах.

Представим урок (или репетицию). Если один читает басню, то что могут на сцене делать все другие ученики? Например, если дети выберут басню про медведя и обезьяну с зеркалом, то половина класса превращается в медведей, другая половина – в обезьян. А рассказчик – кто-то один (или три человека по очереди) – по книжке (или наизусть) читает *весь* текст.

А закончила я встречу пожеланием: «Самое главное, чтобы вы друг к другу ходили, помогали, советовались. Чтобы между собой обсуждали увиденное». Одна

учительница сразу же предложила, чтобы завтра желающие к ней на урок заглянули.

КУРЬЁЗНЫЕ СИТУАЦИИ

После собрания мне стали вспоминаться разные забавные, поучительные и курьёзные ситуации...

Много-много лет назад я впервые занялась прилаживанием режиссёрского искусства к школьному изучению басен. Пятый класс. Первым шагом в работе с басней «Стрекоза и Муравей» было задание: *выяснить, всё ли написано в басне о том, как её читать*. (Потом неоднократно было проверено, что подобные каверзные вопросы можно и нужно задавать уже во втором классе). И у детей достаточно быстро возникла уверенность, что далеко не все! «Не написано: *тонким* или *толстым* голосом нужно читать!» – сказали они.

Дальше – больше. Дело дошло до того, что они разглядели, что по тексту вообще неизвестно, принял муравей стрекозу или нет? Он её выгнал вон или, наоборот, пригласил к себе домой «поплясать»?

Так мы вышли на основную проблему в герменевтике: что же собственно содержится в самом тексте, а что мы ему приписываем по своему читательскому произволу.

Следующие шаги тоже были направлены на углубление личных пониманий. Ученики читали «Ворону и лисицу» от лица разных персонажей. Если эту историю рассказывает



лисица, то она скорее всего будет говорить о том, как легко облапошить простофилю: подольстишься – и всё получишь. И тогда исполнительская «мораль» будет направлена против того, кто так считает.

И, наоборот, если ворона рассказывает, что вот надо же, раз в жизни повезёт, так и тут у тебя изо рта (!) сладкий кусочек вынут. В этом случае «мораль» будет высмеивать уже совсем другое. Мораль окажется не в словах («Мысль изреченная есть ложь»), а в самой позиции исполнителя.

РАЗНООБРАЗИЕ ВАРИАНТОВ

В своё время думали мы с коллегами по театральной педагогике и над тем, как же могут проходить конкурсы басен, раз уж они иногда затеваются.

Вот начальные классы. Один из вариантов – басня не читается, а загадывается. Ученики выходят на площадку, изображают каких-то животных, какие-то сценки, а зрители отгадывают, по мотивам какой басни. Кто отгадал, тому приз за догадливость.

Второй вариант – это разные сказки. Басня читается не от лица абстрактного автора, а от лица кого-то из персонажей. Например, представим, что лиса прибегает в нору, где остальные лисы – кто играет-куражится, кто спит, кто выкусывает блох. И вот наша лиса, захлеб рассказывая, как дело было, угощает всех сыром!

Или – от класса выставляются два-три варианта одной и той же басни. Но и исполнители, и рассказчики, и изюминки в этих вариантах разные. В одном случае – лиса пришла к лисицам. В другом – ворона прилетела к воронам...

Разнообразие вариантов можно получить и за счёт костюмов. Например, историю про Стрекозу Муравей рассказывает два раза. Но первый раз он – нищий, а второй – богатый. Разница в костюмах будет помогать исполнителям находить нужные интонации, жесты, подтексты...

Ещё один вариант – рассказчик читает полный текст, а помощники в это время показывают пантомиму. Они тоже могут быть одеты по-разному. И рассказчику нужно будет читать, соответственно, по-разному.

Помню, как-то во втором классе на уроке чтения репетировали басню «Лебедь, рак и щука». Дети должны были услышать, кто же, по мнению данного рассказчика, прав: лебедь, рак или щука. Три раза подряд один из учеников читал одну и ту же басню. И однокурсники слышали (не все, конечно), что одна и та же фраза в устах чтеца, который ведёт речь от лица рассказчика, считающего, что прав лебедь, звучит не так, как от лица того, кто уверен в правоте рака или разделяет мнение щуки. И для актёрской техники, и для зрительской культуры это очень важное умение...

А подростки постарше? Что же можно делать с баснями у них на уроках? Да хотя бы то же самое – уже польза великая. Диапазон выбора басен, я думаю, у них будет пошире. Так же как и диапазон исполнительских решений. Басни – это ведь маленькие шедевры. И чем старше читатель, тем больше у него шансов это обнаружить. При условии, что он на всю жизнь не ослеплён банальными школярскими трактовками...

Число событий: кто больше?

И вот звонят мне из школы и сообщают новость: инсценировка на округ должна быть обязательно по басне Крылова «Ворона и лисица».

Ход интересный. Выбор единой для всех школ басни обеспечивает некую сравнимость режиссёрских задумок.

Ольга Фёдоровна, которую я по социо-игровой педагогике курирую и чей класс был рекомендован для участия в окружном конкурсе, – ну паниковать. Срочно еду к ней на урок спасать ситуацию. Оказывается, учительница в полном тупике. Поэтому урок я начала с повторения текста басни.

– Кто не помнит или не уверен, – к доске.

Вышли пять человек, потом ещё трое к ним присоединились.

– Отправляйтесь в конец класса и там друг другу учите.

Они прихватили книжки и пошли в угол класса.

А с теми, кто уверен в знании текста (человек 12), мы стали разбираться, сколько в басне событий произошло. Нужно было посчитать, из каких частей состоит басня, и показать на пальцах.

Одни показали два пальца, другие – три, а кто-то один – четыре. Спросили у тех, кто две части нашёл. Одна часть у них – «мораль» (её, кстати, все как отдельную выделили). А вторая часть – всё остальное, то есть про то, «как Лиса Ворону уговаривала».

Те, у кого было три части, добавили, что отдельная и очень важная часть – про то, что «сыр выпал». А один ученик добавил ещё и завершающую часть – «лисица убегает». Класс с его мнением быстро согласился.

А вот то, что сначала ворона с сыром сидела на дереве (и никто её в это время ещё и не думал уговаривать), – этот эпизод истории у них в головах пока ещё не уложился.

Мы с учительницей это про себя отметили, но раньше времени торопиться с объяснениями роли экспозиции не стали.

ДВЕ РАССКАЗЧИЦЫ

К тому времени к нам присоединились ученики, учившие басню. Класс разделился пополам. Одна половина собралась в одном углу, другая – в противоположном. Те –



воронья стая, а эти – стая лис. У тех о происшедшем рассказывает одна из ворон, а у этих – одна из лисиц. По поведению детей было видно, что «процесс пошел» и детское любопытство взыграло.

Я стала работать с вороньей половиной класса, а Ольга Фёдоровна – со стаей лис.

Вся моя группа каркает, летает, дерётся (не сами по себе, разумеется, а по роли) – кто во что горазд. Вороне-рассказчице работать в такой обстановке было, конечно, сложно...

Кое-как наша Ворона дошла до понимания, что в этой ситуации ей остаётся только одно – стонать и жаловаться: «Уж сколько раз твердили миру...» и т.д. И она стала жаловаться, но это у неё получалось как-то однообразно.

Тогда вся стая начала помогать ей своими советами: как сделать, чтоб было живее. Но когда вороны показали свой коллективный опус лисам, то увидели, что всё равно получается однообразно и неинтересно.

Потом свою работу показывали лисы. И тут все вдруг обнаружили, что басня может получиться не просто интересной, а даже смешной. Девчонка так удачно перевоплощалась в лисицу, так удачно хвасталась тем, как она эту дуреху Ворону облапошила, что можно было ничего больше не добавлять. И насмехалась, и передразнивала так, что другим лисам оставалось только хохотать и аплодировать в нужных местах.

А поскольку хохотали и аплодировали они очень заразительно, то получилось здорово: возникла глубина, и басня засияла.

ТРАКТОВКА ЭПИЗODOB

Ну а потом вызвали желающих для поиска интересного поведения рассказчицы Вороны. Вышли четыре человека, желающих попробовать себя в роли Вороны. Стали пробовать. К концу урока было найдено несколько вариантов, которые рассказ Вороны делали интересным.

Поиск вариативности для нас с Ольгой Фёдоровной был принципиальным. Поэтому мы с ней «схлестнулись» в трактовке фразы: «Тут сырный дух лису остановил. Лисица видит сыр. Лисицу сыр пленил!» Ольга Фёдоровна считала, что Ворона-рассказчица уличает Лисицу в алчности: сыра она, видите ли, захотела и на обман пошла! В моей же трактовке Ворона-рассказчица, произнося эту фразу, клеймит не столько Лису, сколько себя: как же это я, мол, купилась, ведь очевидно же, что Лиса хлопотала вовсе не из-за меня, а из-за сыра.

Вот мы перед классом и показали два разных варианта произнесения этого фрагмента басни. И поскольку ребята в классе слышавшие и к театральному делу чуткие, то разницу трактовок они как-то уловили. И это стало хорошим трамплином для личных творческих поисков.

Ну а сама Ольга Фёдоровна басней явно увлеклась. Во всяком случае от растерянности и следа не осталось. Пока она меня до учительской провожала, успела поделиться своими режиссёрскими планами: текст басни будет исполняться классом дважды, но по-разному. Сначала действие будет происходить в вороньем гнезде, потом – в лисьей норе...

Кого на конкурс выставлять?

В конце недели – опять телефонный звонок. Завуч в недоумении:

– Прямо не знаем, что и делать. Басню приготовили два класса, а выбрать мы затрудняемся. У Нины Ивановны уж так всё хорошо придумано: и цветы, и бабочки, и охотники. И даже ангелы: она решила, раз в тексте Бог упоминается, то, значит, и ангелы могут быть. А у нас в школе как раз костюмы ангелов зря пропадают... Но у Ольги Фёдоровны дети тоже очень интересно играют. Кого посылать, не знаем. Посмотрите, пожалуйста! Подскажите, кого на окружной конкурс выставлять?

И вот приезжаю в школу.

Просмотр проходил в коридоре (по «техническим причинам»). Учителя – и Нина Ивановна, и Ольга Фёдоровна – очень волновались и всё время предупреждали, что костюмы ещё не все готовы и декорация пока условная...

Все штампы были на месте

Вариант Нины Ивановны начинался с выхода трёх девочек, которые самозабвенно изображали ёлку, стоя вокруг стула (на который потом, как вы понимаете, залезет ворона). Рядом с ёлкой уселся на корточках мальчик – это мухомор. У него, оказывается, дома костюм мухомора с Нового года остался.

Меня предупредили, что в этом месте должна зазвучать музыка (ещё не успели подобрать). Под воображаемую музыку выходят девочки в костюмах цветов. Они кружатся, танцуют и усаживаются рядом с ёлкой наподобие клумбы. Над клумбой кружат бабочки. После их танца к ёлке выходят два охотника. Но сначала над всем этим пролетала птичка, которая почему-то махала руками точно так же, как и преддыущие бабочки.

Многие из «артистов» были не только без костюмов и реквизита, но, я бы сказала, и без ума тоже. То есть без здравого понимания того, что в данный момент должно происходить. Например, охотники выходили оттуда, куда только что улетела птичка...

Потом охотники немного поохотились и уселись под ёлкой. Они старательно развернули свёрток, достали сыр и начали есть. В это время к ним прилетели два ангела (насколько я помню, они тоже почему-то махали руками). Охотники, разинув рты, поспе-



шили за ними, оставив сыр недо-
еденным.

В это время появилась Воро-
на. Подобрал сыр, она забралась
на ёлку (залезла на табуретку).

Цветы, которые сидели под ёл-
кой, хором (по два человека) на-
чали по цепочке произносить: «Во-
роне где-то Бог послал кусочек
сыра. На ель ворона взобралась...»

Наконец вышла девочка с ли-
сьим хвостом на шее и начала при-
торным голосом изображать лису:
«Голубушка, как хороша...» (все
штампы тут были на месте).

И, в заключение, цветы хором
сообщили: «Сыр выпал – с ним
была плутовка такова».

Лисья нора и воронье гнездо

А потом (тоже в коридоре)
я смотрела готовую инсценировку
класса Ольги Фёдоровны. Девочки
играли лисью нору, а мальчики –
воронье гнездо.

Сначала «сцену» заполнили де-
вочки-лисицы. Они во что-то игра-
ли: в догонялки, в карусель, водили
хоровод (тут завуч мне прошепта-
ла, что на конкурсе все они будут
в рыжих футболках и бейсболках).
И вот к этой мельтешащей коман-
де выходит Лиса и начинает свой
рассказ: «Уж сколько раз твердили
миру, что лесь гнусна, вредна...»

Её все обступают и с интересом
слушают. Девчонка так хорошо
рассказывает, что дети невольно
заслушиваются и забывают, что
им следует делать по роли. По-

этому смеяться начинают с явным
опозданием. Если б не это – сценка
на пять с плюсом.

Кончалась эта часть инсцени-
ровки тем, что рассказчица Лиса
раздавала всем сыр, который при-
несла с собой. А потом уводила
всех подружек со сцены.

И тут через всю сцену, ничего
не говоря, проползал ёжик (пока
тоже без костюма). За ним выходи-
ли ребята и ставили стулья заме-
чательным полукругом (есть такое,
довольно сложное, упражнение
в театральной педагогике – *на со-
бранность*).

На эти стулья мальчики усажи-
вались кто как: кто с ногами, кто
верхом. И начинали кто каркать,
кто чистить перышки, кто ругаться,
кто разговаривать.

И тут к ним «в гнездо» прилета-
ла Ворона-рассказчица и начинала
рыдать: «Уж сколько раз тверди-
ли миру, что лесь гнусна, вредна,
но только всё не впрок...»

Массовка сначала возмущённо
каркала. Потом они её утешали.
Ворона с плачем улетала. Галант-
ные кавалеры пускались за ней.
И опять по сцене неторопливо про-
ползал молчаливый ёжик...

Вот такая была у них задумка.

Поиск путей

Завуч попросила меня расска-
зать о впечатлении.

– Ну что вам сказать? Если вы
хотите быть банальными, тогда,
конечно, посылайте вариант с ан-

гелами: богатая иллюстративность. А если хотите быть оригинальными, то выставляйте вариант с норой и гнездом.

И даже такую фразу не постеснялась произнести:

– Если вы хотите, чтоб было понятно, что это у вас школа-лаборатория, что в ней идет серьезный поиск путей художественного воспитания школьников и что у вас в школе думают более или менее серьезно о том, как детям с искусством общаться, то, конечно, посылайте последний вариант. Художественно-педагогические достоинства (пусть даже и с налётом авангардизма) ну просто невозможно не оценить.

И действительно не только рассказчицы, но и массовки работали замечательно. А как хорошо у них получалось сочувствие.

А как интересно они на разные голоса каркали.

В субботу мне сказали, что от школы повезут именно второй вариант...

Эпилог

Звонит мне после конкурса Ольга Фёдоровна.

– Наша инсценировка заняла самое последнее место. Жюри сказало: «Что это вы басню будете два раза произносить. Нельзя два раза!»

Правда, одна учительница, которая в конкурсе не участвовала, подошла ко мне и сказала: «Да-а, ну это вы им, конечно, нос-то всем утерли!»

*/Записали
В. Букатов, М. Ганькина/*

